

КОТ АГЕНТ ФБР

Роман

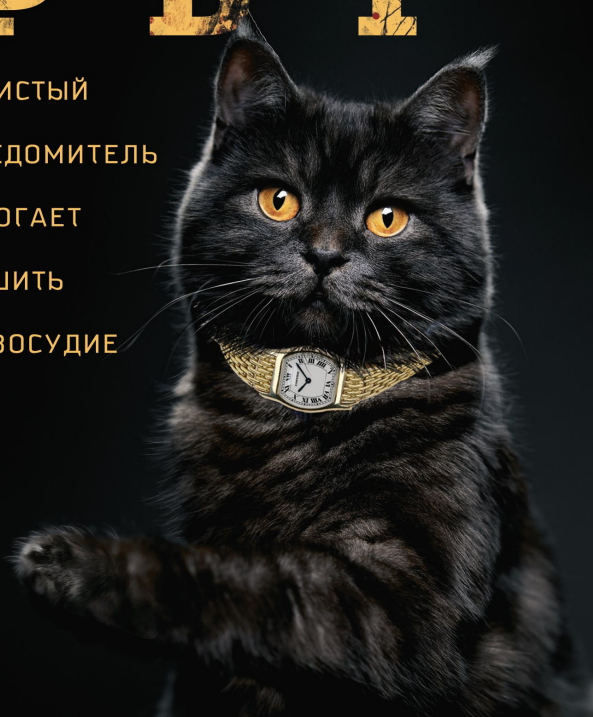
ПУШИСТЫЙ

ОСВЕДОМИТЕЛЬ

ПОМОГАЕТ

ВЕРШИТЬ

ПРАВОСУДИЕ

ГОРДОН И МИЛДРЕД ГОРДОН

Гордон Гордон Милдред Гордон Кот – агент ФБР

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73933357

Кот – агент ФБР: роман / Гордон Г., Гордон М., Пер. с англ. Н.И.

Лисовой: Гермес Букс; Москва; 2026

ISBN 978-5-9524-6639-5

Аннотация

Домашний питомец семейства Рэндаллов возвращается с прогулки с дамскими часиками, застегнутыми на шее. Майк Рэндалл припоминает, что подобные часы видел на фото в газете, на запястье сотрудницы банка, похищенной грабителями, и его сестра сообщает о находке в криминальный отдел. Агент Зик Келсо относится к заявлению со всей серьезностью, ведь это первая зацепка в деле. Так черный кот по имени Чок становится тайным информатором и самым засекреченным агентом ФБР...

Содержание

1	6
2	13
3	19
4	29
5	41
6	54
7	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Гордон и Милдред Гордон Кот – агент ФБР

*Посвящается Майку Зимрингу с
благодарностью и любовью*

Gordon and Mildred
GORDONS
UNDERCOVER
CAT
A Novel

ГЕРМЕС БУКС

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс»,
2026

1

Пэтти Рэндалл уже соскальзывала в полуреальный дремотный мир, когда ее разбудил телефонный звонок. К тому моменту, когда она наконец отыскала на полу аппарат – туда вечером его поставила шестнадцатилетняя сестра Пэтти Ингрид, – он захлебнулся последним коротким звонком и умолк.

Возвращая телефон на ночной столик, она посмотрела на будильник и заметила время – 12:30 ночи. Выключив свет, она снова вытянулась на кровати во всю длину – на пять футов семь дюймов, надеясь заснуть. Весь вечер Пэтти вздрагивала от каждого шороха, ей слышались странные звуки, рожденные сентябрьским ветром, деловито перебиравшим опавшие листья. Временами она ловила себя на том, что напряженно прислушивается, пытаясь разделить шум на отдельные звуки и определить их источник. В своем беспокойном состоянии она винила соседку, миссис Макдугалл. Миссис Макдугалл взяла на себя обязанность, о которой ее никто не просил: присматривать за «этими сиротами», пока родители Рэндалл отдыхают в Европе.

«Если ночью что-нибудь случится, – сказала она Пэтти, – просто кричи, я тебя услышу». Пэтти в этом не сомневалась, зная способность старой миссис Макдугалл улавливать звук даже случайно оброненной булавки. Она надежней, чем

охранная сигнализация. Не переводя дыхания, миссис Макдугалл продолжила: «Каждую ночь в нашем городе происходят ужасные вещи. Как с той женщиной, муж которой уехал по делам, а она и ее старая мать были хладнокровно убиты в 2:23 ночи».

Уж если миссис Макдугалл сказала, что было 2:23 ночи, то ровно столько и было. Там, где дело касалось криминальных фактов, она всегда была очень педантична.

Пэтти решительно выбросила миссис Макдугалл из головы и попыталась сконцентрироваться на луне, висящей высоко над апельсиновым деревом, на тощей луне, которая явно долго сидела на диете. Это зрелище неприятно напомнило ей о том, что сама она набрала за последний месяц два фунта. Она и без того уже с трудом влезала в нужный размер, но по-прежнему работала моделью в большом универсальном магазине. Только сегодня какой-то старый дурак с маслеными глазами, сидевший с женой за ланчем в пентхаусе, в ресторане на крыше универмага Буллока, с точностью до дюйма определил на глаз ее размер в бедрах, когда она совершала перед ним пируэт в узком и длинном тайском шелковом платье. Возможно, ей следует носить пояс, но это означало бы приближающуюся старость, а этого Пэтти в свои двадцать три еще не собиралась признавать.

Она стряхнула эту навязчивую мысль и уже снова погрузилась в сон, когда услышала шум у задней двери. Резко сев на постели, девушка через несколько минут улыбнулась

и снова уютно устроилась на своей огромной подушке. Она догадалась, что это Чок, их двадцатипятифунтовый черный кот, входит в дом через маленькую дверцу для молочных бутылок рядом с дверью черного хода. Протискиваясь, он обычно похрюкивал, как борец сумо. Вот кому в этом доме точно нужен пояс!

Но тут до ее слуха донесся звук шагов, резких и уверенных, – мужских шагов по подъездной дорожке. Пронзительный звонок, хотя и не стал совсем неожиданным, все же вызвал в ней резкую волну страха. Все время, пока она лихорадочно искала в шкафу какой-нибудь халат, человек не отрывал пальца от кнопки звонка, так что она уже готова была закричать. В конце концов она схватила тонкий пеньюар, укутавший ее с головы до ног, но не способный скрыть длинные стройные ноги под голубой, кукольного цвета, пижамой.

Проходя мимо комнаты Майка, она безнадежно позвала: «Майк», но ее двенадцатилетний брат, конечно, не услышал. Чего еще можно от него ждать, да и от Ингрид тоже! Кто угодно мог бы разрядить в нее всю обойму, не разбудив этих двоих.

Торопясь, она ударилась об угол обеденного стола. Ну вот, теперь у нее появится в этом месте огромный черный синяк, и, если ей придется демонстрировать купальники, она будет выглядеть так, будто побывала в кабацкой потасовке.

Повернув выключатель у входа, она приоткрыла дверь дюйма на три, больше не позволяла предохранительная це-

почка. Перед дверью стоял Грег Балтер, сосед из дома напротив. Всего на пару лет ее старше, он был уже известен как блестящий адвокат, все говорили, что он далеко пойдет. Высокий, стройный, он казался настоящим воплощением мужественности и обладал тем невинным лицом, в какие влюбляются все без исключения женщины – от подростков до дам того возраста, когда шагу не сделаешь без бифокальных очков. Все, кроме Пэтти. Она считала его каким угодно, только не невинным.

– О, это ты, – сказала она, предчувствуя проблемы, которые неизменно означало его появление. Обычно они имели отношение к его таксе, Блитци, одному из двух домашних любимцев, в которых он души не чаял. Вторым был белый фورد «Сандербёрд».

– Я пытался тебе звонить. – Его голос звучал как будто примирительно.

Она жестом пригласила его войти и молча остановилась в ожидании. Она давно знала могучую силу молчания в конфликтной ситуации. Молчание одной из сторон неизменно сбивает противную сторону с толку.

Он убрал с лица улыбку.

– Твой кот... – начал он снова, собираясь с силами. Их взгляды встретились и схватились врукопашную.

– Что – мой кот? – напряженно спросила она.

– До сих пор я был достаточно терпелив к нему. Он копается в моих цветах, вся моя машина в отпечатках его лап, к

тому же он дерется на моем заднем дворе...

– И ты пришел обсудить все это в час ночи?

– А теперь он через заднее крыльцо стащил у меня утку, крякву.

– Что он сделал?!

Грег продолжал:

– Я видел, как он убежал с ней. Он просто волочил ее по двору. – Его взгляд невольно соскользнул на ее ноги, но уже через секунду он снова глядел ей в лицо, как будто задавшись целью не позволить всяким женским штучкам поколебать его решимость.

– Так, подожди минутку, Грег. В конце концов...

Он перебил:

– Я как проклятый весь день просидел в засаде под проливным дождем. Заметь, я мог подхватить пневмонию. И честно добыл одну утку. Всего одну утку. А твой мохнатый бандит ходит везде, сует свой нос куда не надо. Мне показалось, что я услышал какой-то шум у заднего крыльца, и, конечно же, прибегаю, а дверца уже захлопывается, и утку поминай как звали.

От ярости она едва могла говорить.

– И я полагаю, он встал на задние лапы, отодвинул щеколду, открыл дверь и вошел?

– Он открыл дверь и вошел, это точно. Этот кот мог бы войти в Форт-Нокс. Не спрашивай меня, как он это делает.

Какое-то мгновение она не могла найти слов.

– Ну все, хватит! Этого абсолютно достаточно. Из всех абсурдных, несправедливых, чудовищных обвинений...

Она замолкла на полуслове, поскольку в этот момент появился Чок. Он гордо шествовал, высоко подняв голову, держа в зубах утку.

На секунду она замерла, ошеломленная, затем наклонилась, пытаясь выхватить утку. Однако ее движение оказалось недостаточно быстрым. Чок сжал добычу мертвой хваткой. Некоторое время они боролись, затем Пэтти сильно дернула и вырвала утку из зубов кота, слегка порвав ее при этом. Держа птицу за лапу, она величественно протянула ее Грегу, лицо которого выражало триумф.

– Так тебе и надо, – резко сказала Пэтти. – Что, по-твоему, должен делать кот, если ты оставляешь свою добычу в таком месте, где он может ее достать? Он – охотник, как и ты.

– Он – вор, – заявил Грег, с ненавистью уставившись на Чока. – Обыкновенный вор. И если я его еще раз застану на своей земле, он получит полный заряд крупной дроби в задницу. И если понадобится, все девять¹ раз.

Она дрожала от ярости.

– Грег Балтер, если ты посмеешь...

Он решительно развернулся и зашагал прочь. Резко хлопнув дверь, она пробормотала себе под нос:

– Черт, чертов Грег.

¹ Имеется в виду поверье о том, что у кошки не одна, а девять жизней. (Здесь и далее примеч. пер.)

Чок что-то негромко и неразборчиво проворчал в ответ. Его полное имя было Чертов Кот. Так назвал его отец Пэтти, который всегда спотыкался об него в темноте. Однако полностью это имя никогда не звучало в присутствии их матери.

– Это не о тебе, милый, – сказала Пэтти, опускаясь на пол рядом с котом.

Она начала было нежно поглаживать его, но он отодвинулся. Не только она может сердиться. Похоже, что стоит ему принести в дом что-нибудь стоящее, как это тут же отнимают. Он даже не успел попробовать эту восхитительную утку. И пусть даже не пытается загладить свою вину. Люди всегда так поступают. Сделают гадость и хотят, чтобы их тут же простили.

В это мгновение луч света выхватил из темноты что-то блестящее в густой шерсти на шее кота. Она схватила его за заднюю лапу, не дав убежать. «Чудо, что у меня еще не отказали почки, при таком-то обращении», – подумал он возмущенно.

В полном изумлении, девушка сняла женские наручные часики, застегнутые на шее кота наподобие ошейника. Заинтригованная, она рассмотрела их вблизи. Наверняка какой-нибудь ребенок хватится завтра своего сокровища, сонно подумала Пэтти.

Она ухмыльнулась.

– Ты наверняка выиграл джекпот нынче ночью, не правда ли, Чок?

2

На следующее утро Пэтти уже прихлебывала на кухне кофе, когда приплелась сонноглазая Инки в своей розовой хлопковой пижаме и с одеждой в руках.

– Доведи меня до стола, – сказала она, почти не раскрывая глаз.

Пэтти налила ей чашку горячего кофе.

– Где ты была сегодня в час ночи, когда на меня напали и я нуждалась в твоей помощи?

Инки проснулась.

– Что?

– Приходил Грег. Чок вломился в его дом и стащил утку.

Стоило упомянуть Чока, и он тут же явился. Даже не поздоровавшись, запрыгнул на низкий кухонный табурет, с него на рабочий стол, а оттуда на крышку холодильника. Уселся и начал тщательно, не торопясь, мыть ухо. Он смачивал одну сторону лапы и энергично чесал влажную шерсть. Этот процесс обычно занимал немало времени, но у него не было на сегодня других планов, кроме как спать и набираться сил для ночных походов.

Инки предпочла уйти от ответа на заданный вопрос.

– Могу поспорить, он был в ярости.

– Он угрожал убить Чока, если снова застанет его на своей земле.

Инки ухмыльнулась.

– Он этого не сделает. Он хороший. Мне он здорово нравится.

– Тебе нравится его «сандербёрд». Я видела тебя позавчера вечером. Предательница.

Но как можно конкурировать с человеком, который берет с собой в шикарный автомобиль соседских юнцов, когда едет на рынок или на почту? Не то чтобы они его интересовали, подумала она. Он просто жаждет общения. После смерти матери он жил один в старом семейном доме, готовил для себя сам, мыл посуду, стелил свою постель, бесцельно слонялся по двору и ухаживал за своей жуткой таксой-человеконенавистником.

Пэтти крикнула Майку, чтобы он поторопился, иначе опоздает, и принялась готовить яичницу с беконом. Инки накрывала на стол, не прекращая болтать без умолку:

– Я была настолько вне себя, что могла разнести всю учительскую. У этих людей в голове совершенно нет мозгов. Как только я упомянула, что хочу пригласить учителя на дом, причем вполне определенного, этот тип просто заморозил меня взглядом и не захотел даже слушать. Вот что я тебе скажу, сестричка, может, это и был один из дней Господних, как ты всегда говоришь, но это был не лучший его день.

– Майк! – снова крикнула Пэтти, на этот раз заглушив даже Рикки Нелсона, гремевшего так, что хватило бы на целый стадион. Пэтти убавила звук.

Ингрид не заметила.

– Я сегодня пойду туда снова и скажу мистеру Хопкинсу, что он просто обязан дать мне другого домашнего учителя, а если он этого не сделает, я собираюсь испробовать слезы. Честное слово, я буду реветь там от души.

Пэтти довольно улыбнулась.

– Ты учишься, солнышко. Ты быстро учишься. Я могу быть за тебя спокойна.

В этот момент на кухню приплелся Майк, волоча ноги. Он выглядел года на два старше своих двенадцати. Короткая стрижка ежиком на его голове была сильно напозажена.

– Смотри, чтобы никто не уронил на тебя спичку сегодня, – сказала Пэтти, вручая ему тарелку.

– Очень смешно. – Он ел с таким видом, как будто привычка завтракать потеряла свою актуальность. – Как вы думаете, мама с папой нас забыли? Они не едят уже два дня. – Он произнес это обвиняющим тоном, хотя самому ему с трудом удавалось написать родителям письмо раз в месяц.

Ингрид ответила:

– Не знаю, как они могли бросить трех таких замечательных детей. – Она взглянула на Майка. – Ну, по крайней мере двух замечательных.

Майк не обратил внимания на ее слова. Ему необходимо было обсудить с Пэтти одну серьезную проблему, которая занимала его сейчас больше всего. После школы он работал в бакалейной лавке Ральфа, и у него складывались сложные

отношения с детьми, посещающими магазин.

– Я устанавливал банки пирамидой, а это маленькое чудище, я его даже не видел, выпихнул одну банку в самом низу, получил ими по башке и кричит, что я пытался его убить. Меня чуть не уволили. Мистер Мэйхью сказал, что оставит меня с предупреждением, чтобы я был более внимательным... Не знаю, что делать с этими детьми, – добавил он. – Если дашь им щелчок по носу, их матери кричат на тебя. В общем, это молодое поколение...

В этот момент Пэтти вспомнила про часы и достала их из ящика.

– Взгляните-ка, какую добычу притащил прошлой ночью Чок. Я так понимаю, какой-то ребенок надел их коту на шею из озорства, сегодня утром его мать наверняка сходит с ума, пытаюсь их найти.

Ингрид с любопытством рассмотрела часы, подхватила свои учебники и была уже на полпути к задней двери, когда Майк вдруг воскликнул:

– Эй, знаете что?

Он был возбужден.

– Помните то ограбление с неделю назад, ну, тот банк в Ван-Нуйе, который взяли два типа ради пары сотен тысяч, они еще прихватили с собой из банка кассира – пожилую леди, лет сорока, и никто их с тех пор не видел. Ты помнишь, правда, Пэт?

Она смотрела непонимающе.

– Ну...

– Она носила часы вроде этих. Я помню, газета описывала все, что при ней было, и там была картинка с этими часами на ее руке.

Он продолжал возбужденно:

– Она надела их на него, неужели вы не понимаете? Ее держат в плену где-то совсем рядом, а Чок пробрался в тот дом, и она надела их ему на шею, чтобы ей помогли.

– погоди минутку, – сказала Пэтти, – и давай еще раз членораздельно.

– Ты должна позвонить в полицию, Пэт. Ты просто должна. Ты же знаешь, как старина Чок, – он грубовато провел рукой по спине кота, – бродит по округе, заходит ко всем подряд и таскает, что плохо лежит. – Он обернулся к Чоку: – Ты не равнодушен к людям, так ведь, старая ищейка?

Чок одобритительно лизнул его руку. Он был очень привязан к этому мальчишке, которого вырастил и которому помог преодолеть трудный период до двенадцати лет, когда юнцу обычно не хватает зрелости, чтобы признать хвост важной частью кошачьего тела.

Ингрид сказала:

– Конечно, он любит род человеческий. Он же не встречал никого лучше.

Пэтти прервала ее:

– Так, давайте не будем отвлекаться. Шансы миллион к одному...

– В той газете было сказано звонить в ФБР, если есть хоть какие-нибудь новости. – Неугомонный Майк уже искал нужный номер. – Вот он. Хаббард 3–3551. Только обязательно скажи им, что это Чок принес часы домой. Может, ему дадут медаль конгресса или еще что-нибудь.

Чока все это совершенно не интересовало. Он не отличался тщеславием. Поэтому начал работать над вторым ухом. Чистота – вот что по-настоящему важно.

3

Звонок принял Зик Келсо. Он был высок и тощ и в разговоре мягко и приятно растягивал слова. Звук его речи напоминал слушателю о продуваемых всеми ветрами равнинах Невады.

– Вы говорите, что эти часы принес домой ваш кот?

– Кто-то застегнул их вокруг его шеи.

– Как ошейник?

– Да, мистер Келсо. А Чок...

– Как вы его назвали?

– Чок. – Она секунду поколебалась. – Полностью он Чертов Кот. Видите ли, отец...

– Не могли бы вы произнести это по слогам?

– Это именно то, что вы подумали. Чер-тов.

– Чер-тов. – Сам того не заметив, он заговорил громче. – Чертов Кот?

Стенографистка за соседним столом, записывавшая что-то под диктовку, подняла голову, и Келсо снизил голос чуть ли не до шепота. Бюро неодобрительно отнеслось бы к употреблению такого слова в присутствии женщин.

Он спросил:

– Мисс Рэндалл, вы находитесь где-то в баре?

Он услышал в трубке, как она крикнула кому-то: «Майк, бога ради, выключи радио». Затем снова заговорила в труб-

ку:

– Нет, я не в баре. Я дома... Да, его зовут Чертов Кот... и я ничего не могу с этим поделать...

– Вы не одни, мисс Рэндалл?

– Да, со мной брат, Майк. Ему двенадцать. И моя сестра, Ингрид, ей шестнадцать. Наши родители в Европе. Мой отец, Джордж Рэндалл, работает на Локхид...

По мере того, как она называла имена, он торопливо записывал их в большом желтом блокноте.

– Мисс Рэндалл, будьте добры, откройте часы и посмотрите, не нацарапано ли что-нибудь под задней крышкой.

Ожидая ответа, он тихонько выбивал пальцами на столе барабанную дробь. Зик очень нуждался еще в одной чашке кофе. Он считал, что уже становится наркоманом. Он не спал с пяти утра, был в офисе с шести: готовил черновик длинного отчета по делу, включающему в себя незаконное бегство, имеющее целью избежать судебного преследования за убийство. В последнее время было много работы. На прошлой неделе он работал семьдесят два часа... Почему она так долго возится?

В трубке снова зазвучал голос девушки.

– Я не могу снять заднюю крышку.

– Попробуйте кухонным ножом.

– Боюсь, что я испорчу часы.

– Это не имеет значения.

Еще через минуту она сказала:

– Похоже на букву Y, а за ней какие-то цифры. Они такие маленькие, что я не могу их разобрать.

Он мгновенно оживился. Вне всяких сомнений, это часы жертвы. В самом начале расследования они узнали у отца Хелен Дженкинс, что ее часы были в ремонте в июне 1960 г., в мастерской Ньювирта, по адресу 6081, бульвар Сансет, Голливуд. В то время мастер ставил внутри в качестве метки букву Y.

В таком случае это означает, что вчера ночью мисс Дженкинс была жива. Вот уже семь дней они с угасающей надеждой разыскивали хоть какой-нибудь след ее самой и ее двух похитителей. Внутренне Зик пришел к выводу, что она мертва. Схема большинства подобных ситуаций одинакова: грабители или освобождают, или убивают заложника в течение нескольких часов. На что им лишняя обуза при бегстве.

Он быстро спросил:

– Где он был? Я имею в виду, куда обычно ходит ваш кот?

Она мягко рассмеялась.

– Я вижу, вы не слишком много знаете о котах, мистер Келсо. Он гуляет сам по себе. Он любит людей. Он считает себя одним из нас. И он обожает наносить визиты. Он дожидается темноты, когда его не могут увидеть пересмешники – они вечно донимают его, – ходит и скребется в двери. Если люди хорошо к нему относятся, он приходит еще. Я думаю, у него разработан более или менее постоянный маршрут.

Зик поиграл карандашом. Судя по тому, как она говорит,

не только кот считает, что он «один из нас». Она тоже так думает. Зацепка, которая показалась реальной, повисла на волоске. Зик питал отвращение к кошачьему племени – они уничтожают птиц, дерутся за территорию, как собственники, без всяких звуковых ограничений, а в брачный период бесстыдно вопят как стая привидений. Вот он ходит вокруг тебя и мурлыкает, но уже через минуту дерет когтями и шипит от злости, а потом еще наносит последнее оскорбление – поворачивается к тебе задом и уходит, высоко подняв хвост.

Зик резко остановил себя. Он должен быть осторожен. Нельзя распалаться. ФБР не потерпело бы никаких предубеждений. Бюро требует объективного подхода.

Он продолжил задавать вопросы.

– Вы знаете, когда ваш кот пришел домой, мисс Рэндалл?

– Ровно в двенадцать тридцать. Мне как раз позвонили.

– Могу я спросить, кто вам позвонил?

– Из дома напротив. Это молодой адвокат. Грег Балтер.

Балтер. Он потом зашел ко мне, так как я не успела взять трубку.

– Зачем он пришел?

Она поколебалась и в конце концов объяснила:

– Чок вломился в его дом и стащил утку.

– Стащил что?

– Утку. Крякву.

– О-о... – Мгновение он обдумывал это. – Вы говорите,

он вломился... Мисс Рэндалл, мы по-прежнему говорим про

вашего кота?

– Да, мистер Келсо, он очень умен. Он пробует лапой, и, если дверь хоть чуть-чуть приоткрыта, он с ней справится. Иногда на маленькой дверце он может даже открыть щеколду.

– Как мистер Балтер к этому отнесся? Был он... ну, расстроен?

– Это очень мягко сказано. Мистер Балтер способен прийти в ужасное бешенство, причем довольно легко.

– Мне потребуется описание кота. Мы всегда описываем внешность наших...

Он чуть не сказал «информаторов». Описание кота? Это вдруг показалось ему невероятно глупым. Но ему действительно необходимо было заполнить карточку и поместить ее в картотеку, со временем написать отчет, ведь Бюро всегда настаивает на максимальном количестве деталей.

Он написал на отдельном листке: «Информатор. Имя: Чертов Кот Рэндалл». Он нахмурился, вычеркнул «Рэндалл», затем написал снова. «Адрес: 1820, Гринбрайер, Шерман-Оукс, Калифорния. Описание:».

– Сколько ему лет?

– Дайте подумать. Мы завели его, когда Майку было семь. В таком случае ему пять.

– Вес?

– Двадцать пять фунтов².

² Чуть больше 11 кг.

Зик положил карандаш.

– Мисс Рэндалл, у меня было впечатление, что речь идет о домашнем коте.

– Так и есть. Это обычный черный кот, таких полно по всей Америке.

– И он весит двадцать пять фунтов?

– У него действительно проблемы с весом. Мы вынуждены следить за его питанием.

Зик сглотнул и вернулся к заполнению формы.

– Рост?

– В самом деле, мистер Келсо...

– Извините... Вам придется простить меня. У нас не так уж много котов... следовало бы сказать, что у нас их совсем нет. – Он зачитал из списка: – Образование, увлечения, родственники... Я так понимаю, все это не подходит.

Он принял решение.

– Мог бы я встретиться с вами, и как можно скорее? Я бы хотел взять эти часы. – Он осторожно и без всякой уверенности добавил: – Вы могли бы нам очень помочь... вы и этот ваш Чок.

Они договорились встретиться в Вествуде, у универмага Буллока, в десять утра, на втором уровне автомобильной стоянки.

Она сказала:

– Если мы встретимся внутри, кто-нибудь из наших девушек обязательно спросит, кто вы такой, а я не хочу придумывать.

мывать никаких историй, поскольку мой обман всегда разоблачают.

Направляясь в кабинет инспектора, Зик тихо мурлыкал себе под нос. Проходя мимо группы стенографисток, он почувствовал на себе около дюжины заинтересованных взглядов. Будучи одним из немногих неженатых мужчин в Конторе, он представлял собой завидную добычу.

Инспектор криминального отдела Роберт З. Ньютон выглядел сегодня еще более загнанным, чем обычно. Его стол был завален отчетами агентов, которые он должен был прочесть, одобрить и направить в Вашингтон, если выводы и факты, приведенные в них, имели смысл и были надлежащим образом оформлены. Если же записки были нечитабельны, их следовало вернуть нерадивым агентам для доработки.

Заметив Зика, Ньютон просиял: можно было хоть немного отвлечься от рутины.

– Я вижу, сегодня утром ты опередил меня. Нацелился на мое место, а? – Он поднялся из-за стола и потянулся. Инспектор становился тяжеловат в поясе, но упрямо продолжал застегивать ремень на прежнюю дырочку.

Зик сказал:

– Наконец-то мы получили ниточку в деле Дженкинс.

Ньютон замер на месте. Уже семь дней агенты работали над этим делом, но так и не добыли фактов, способных на-

править поиск хоть в какое-то русло. Они по-прежнему не знали почти ничего, кроме начальных сведений о том, что: в 10:05 два человека в возрасте от 20 до 30 лет, в масках, надеваемых на празднование Хеллоуина, вышли из банка Ван-Нуйе Федерал, унеся 202 400 долларов наличными и уводя с собой под угрозой пистолета Хелен Дженкинс, 41 года. Как часто бывало, показания очевидцев в отношении роста грабителей, их сложения, одежды и оружия сильно расходились. Общего согласия удалось достигнуть только в отношении машины, на которой грабители уехали, и, как обычно, она оказалась в угоне и была обнаружена брошенной через три часа на какой-то автостоянке в Студио-Сити. Отец жертвы, Томас З. Дженкинс, 66 лет, прикованный к постели инвалид, подробно описал полиции все вещи дочери и в том числе те злополучные часы.

Зик продолжал:

– Но предупреждаю, это самая дурацкая история, какую вы когда-либо слышали. Я не знаю... – Он резко сменил тон. – Послушайте, я лучше расскажу ее вам так же, как услышал сам. Я просто принял звонок от некоей мисс Пэтти Рэндалл, адрес: 1820 по Гринбрайер-стрит, Шерман-Оукс.

Он сверился со своими записями.

– Она сказала, что в 12:30 ночи ее черный кот, по имени Чок, сокращение от Чертов Кот, вернулся домой с одной уткой-кряквой, украденной из дома Грега Балтера, адвоката, адрес: 1817 по Гринбрайер, и желтыми золотыми часиками,

застегнутыми у него на шее наподобие ошейника. По моей просьбе она открыла часы, и метка, нацарапанная на задней крышке, определенно свидетельствует, что это те самые часы, которые были на руке мисс Дженкинс во время похищения.

– Погоди, Зик. Что за небылицу ты мне рассказываешь?

– Я и сам не верил, пока не попросил ее открыть часы.

– Ты имеешь в виду, что в качестве следа или ниточки в поисках у нас кот?

– Еще какой. Здоровенный. Двадцать пять фунтов. И совершенно черный.

Ньютон откинулся в своем крутящемся кресле.

– Я в Бюро четырнадцать лет, и в свое время слышал о множестве странных информаторов...

С опытом, отточенным этими четырнадцатью годами, он мысленно перебрал открывающиеся возможности.

– Как я понимаю, у нас теперь несколько ниточек, по которым можно работать. Мы можем попытаться выяснить, где был прошлой ночью этот кот, что нам, по всей вероятности, не удастся, и...

Зик перебил:

– Мы можем установить за ним наблюдение сегодня ночью, когда он уйдет из дома Рэндаллов...

Ньютон улыбнулся:

– Каким образом? С помощью другого кота?

Зик не обратил внимания на шуточный тон инспектора и

продолжал развивать свою мысль:

– И если он снова направится туда, где они содержат мисс Дженкинс...

– Ага. – Ньютон оценил этот вариант и покачал головой. – Может оказаться очень непросто следить за черным котом в темноте. А если он засечет тебя... если он поймет, что за ним следят...

– У меня есть кое-какие идеи, – сказал Зик. – Вся хитрость в том, чтобы думать о нем как о человеке, анализировать его так, как мы анализируем любого другого информатора.

– Нет, – произнес Ньютон с непроницаемым лицом. – Нет, я думаю иначе. Может получиться лучше, если ты будешь думать о себе самом, как о коте.

4

Закончив с посудой, Хелен Дженкинс поставила масло в холодильник, закрыла дверцу и прислонилась к ней. Дэн, как всегда, когда она была на кухне, стоял в дверях и насмешливо смотрел на нее.

Каждый вечер она двигалась все медленнее. Напряжение и нервное истощение въедались все глубже. Она боялась, что у нее может случиться сердечный приступ. Ее кардиограмма на последнем обследовании вскрыла некоторые отклонения. Доктор сказал, что она достигла возраста, когда человек может вынести лишь ограниченный стресс. Десять лет ухода за отцом-инвалидом потрепали ее душевно и физически, несмотря на ее глубокую любовь к нему.

И вот теперь этот ужас, который продолжается уже седьмой день и, кажется, не имеет конца, во всяком случае благополучного.

Она убрала назад волосы, которые уже начали напоминать паклю. Им срочно требовалась химическая завивка. Забавно, что в ситуации, в которой она находится, ее так сильно беспокоит состояние прически.

– Я собираюсь лечь и почитать в постели, – произнесла она.

Дэн молча загородил ей дорогу. Он был на голову выше ее и худ почти до степени истощения. В отличие от Сэмми

он мало ел и всегда был чем-то занят – расхаживал вокруг, садился, вставал. Его нервные руки, никогда не остающиеся в покое, вселяли в него ужас. В настоящий момент они правили пистолет, засунутый за ремень.

Его усталые глаза затопило подозрение. Обычно она читала в тесной маленькой гостиной, где он и Сэмми в это время играли в покер.

– Конечно, – сказал он и отступил в сторону. Но не раньше, чем внимательно изучил ее в поисках признаков того, что она готова сломаться. А если она действительно сломается, что тогда? Что они сделают, если она потеряет душевное равновесие, примется кричать и биться в истерике?

Но нет – не дождутся. Хелен умеет терпеть. Она многое вынесла за последние годы. Бессильно наблюдала, как дряхлел ее отец, постепенно превращаясь из большого, сильного мужчины в лежачего больного. Она понимала, что вместе с ним угасают ее мечты о любви, о детях, о собственном доме. Все эти годы жизнь скользила мимо, пока ее не миновало так много, что Хелен потеряла всякую надежду.

Когда она проходила через полутемную гостиную, Сэмми поднял голову и взглянул на нее, чуть изменив свою обычную позу у небольшого настольного радиоприемника. Час за часом, день за днем он слушал какую-то музыкальную станцию, ужасно действовавшую ей на нервы. Этот пузатый коротышка с тупым взглядом вызывал у нее чувство отвращения и страха. Каждый раз, когда он подходил близко, она

неволью отодвигалась.

Дэн – другое дело. Странно, против воли, но ее тянуло к нему. Он был спокоен и умен. В нем было что-то мальчишеское, привлекательное для любой женщины постарше. Однако у нее не было сомнений, что, если бы кто-то встал ему поперек дороги, он убрал бы помеху без малейших угрызений совести. До тех пор, пока она подчиняется ему, как послушный ребенок, он не причинит ей вреда. Сэмми мог бы. Но она не знала, как поступил бы Дэн, если бы Сэмми попытался это сделать. Вероятно, он спокойно удалился бы и оставил ее Сэмми, которому обычно потакал в мелочах.

Дэн сообщил:

– Она собирается читать в постели.

Сэмми обтер тонкий слой смазки со ствола пистолета тридцать восьмого калибра, который он в этот момент чистил.

– Ты чем-то недовольна, Дженкинс?

– Я устала.

Сэмми улыбнулся.

– Не стоит испытывать к нам отвращение, Дженкинс. В случае чего мы можем пристрелить тебя, как старую лошадь, не правда ли, Дэн?

Сэмми перевел взгляд на ствол.

– Ты будешь сидеть вон там, где сидишь обычно, Дженкинс.

– Сам там сиди, – неожиданно огрызнулась она.

Сэмми медленно поднялся. Дэн сказал:

– Слишком душная ночь, чтобы горячиться, Сэмми.

Сэмми повернулся к нему.

– Слишком душная, а? Тебе хорошо говорить, а мне сегодня дежурить, и я не собираюсь сидеть у открытой двери с этого момента и до семи утра.

– Я подежурю до полуночи, – предложил Дэн.

Каждую ночь повторялась одна и та же процедура – они по очереди наблюдали за ней, пока она спала, из кресла, поставленного в проеме двери.

Сэмми пожал плечами.

– Как скажешь, Дэн. Я здесь всего-навсего ради прогулки на автомобиле. – Он хмыкнул. – И своей доли.

В этот момент от кухонной двери донесся какой-то скребущий звук, и все трое напряженно застыли. Дверь заметно подрагивала – кто-то пытался ее открыть. Затем донесся какой-то мягкий звук, такой тихий, что они не смогли понять, что это такое.

Молниеносным движением Дэн скользнул к двери. Сэмми остался стоять на месте, выставив вперед пистолет. Поворачивая ручку двери, Дэн продолжал напряженно прислушиваться. Он опустился на корточки перед дверью, затем толчком резко открыл ее, оставаясь при этом вне поля зрения любого, кто мог бы там оказаться, и оставляя этого любого верной мишенью для Сэмми.

Из ночной темноты появился огромный черный кот,

какого Хелен когда-либо видела. Для начала он, в порядке разведки, просунул голову внутрь на несколько дюймов.

Дэн сказал:

– Давай заходи, парень, – и закрыл за ним дверь.

Сама она почувствовала, как напряжение и страх последних дней куда-то уходят. Она истерически рассмеялась; было приятно увидеть хоть что-то, принадлежащее внешнему миру.

Кот неуверенно обошел кухню – он, казалось, сомневался в своих правах. Затем он уселся на задние лапы, внимательно осмотрел всех присутствующих по очереди и выбрал ее. Он приподнялся на задних лапах и протянул одну из передних. Дэн присел на корточки и обменялся с ним рукопожатием. Поскольку ритуал был соблюден, кот направился к холодильнику и царапнул дверцу.

– Бедняга, он голоден, – заметил Дэн.

Пока она искала телячью печенку, купленную в тот день Дэном, ей пришлось придерживать кота. Он явно намеревался залезть прямо в холодильник. Она положила печенку на газету, и кот слопал ее так, как если бы голодал неделю. Вот плут! Его гладкая шерсть и размер без слов доказывали, что кормят его хорошо.

Дэн взял кухонное полотенце и потянул его вдоль пола, а кот вонзил в него свои когти и зубы, пытаясь удержать.

– Когда я был ребенком, у меня был старый черный кот, раза в два меньше этого, – сказал Дэн. – Это был тот еще

кот. Мы с ребятами могли играть с ним часами. Он ходил с нами везде, даже в кино. Мы проносили его тайком, а где-то на середине сеанса он уставал и начинал мяукать. Контролер бегал по залу, пытаясь его обнаружить, но мы передавали его из ряда в ряд.

Чуть позже они уселись в гостиной, и все пошло как обычно. Дэн и Сэмми играли в покер, а она читала. Кот свернулся клубком у нее на коленях.

В какой-то момент Сэмми напомнил:

– Я думал, что ты собираешься ложиться, а, Дженкинс?

Хелен за все это время не прочла ни слова и только не забывала переворачивать страницы, когда Дэн бросал взгляд в ее сторону. Здесь, у нее на коленях, лежала линия связи с внешним миром, если только она сможет придумать, как ею воспользоваться. Если бы у нее был клочок бумаги и карандаш да еще минутка, чтобы что-нибудь написать...

Затем она начала искать вокруг себя какую-нибудь личную вещь, которую любой нашедший смог бы связать с ней. Тогда и появилась идея пристегнуть часы к шее кота. Едва двигая пальцами, она тихонько сняла часы с запястья. Сердце колотилось в груди так сильно, что она испугалась. Ей казалось, что стук сердца может выдать ее. Она облизнула губы и поняла, что даже такое пустяковое действие может насторожить Дэна, которому часто удавалось угадывать ее мысли.

Медленно, очень медленно, дюйм за дюймом она двигала часы по коленям, пока они не оказались рядом с шеей

дремлющего кота. И тут она заколебалась. Ему может не понравиться, что на него надели часы; он может внезапно проснуться и оказать сопротивление или замяукать, и тем самым привлечь внимание мужчин. Ведь если он в качестве протеста спрыгнет с ее коленей, они обязательно заметят часы.

И тогда она решилась на отчаянный шаг. Почти в то же мгновение, когда браслет в ее руке скользнул на шею кота, Хелен поднялась, крепко держа животное в руках. Она быстро прошла к задней двери, которая для нее была запретной зоной. Она не должна была касаться этой двери под страхом смерти. Кот яростно вырывался из ее рук и был уже готов высвободиться. За ее спиной Сэмми произнес ее имя – негромко, резко и угрожающе, и она услышала, как скрипнул поспешно отодвинутый стул Дэна. Когда она была уже у двери, Сэмми схватил ее, но не успел помешать открыть дверь и выбросить кота наружу.

Она быстро обернулась и посмотрела прямо на Сэмми.

– Ему надо было выйти, – пояснила она.

Он ударил ее по лицу.

– Я же предупреждал тебя, Дженкинс, только прикоснись к двери – и получишь пулю в кишки.

Дэн оттолкнул его прочь и крепко взял ее за плечо.

– Ему надо было выйти, – повторила Хелен.

Он секунду еще подержал ее, затем отпустил.

– О'кей, – сказал он. – Ложись в постель.

Она прошла через спальню и, оказавшись в ванной комнате, закрыла дверь на замок. Только здесь, в этом единственном месте, она могла побыть в одиночестве. В ванной не было окон, да и сама она была настолько мала, что в ней с трудом можно было переодеться. Квартира, снятая Дэном и Сэмми в этом древнем здании, представляла собой что-то вроде кроличьей норы. Кухня, гостиная, единственная спальня и эта внутренняя ванная – вот и все. Они забили гвоздями все окна, поэтому спастись из квартиры можно было только через входную дверь либо через черный ход. Умываясь, она услышала, как Сэмми – а это всегда был именно Сэмми, поскольку они давно поделили между собой обязанности – заводит будильник и устанавливает его на семь тридцати. Затем Сэмми обычно поднимал жалюзи. Если бы они всегда оставались опущенными, кто-нибудь мог посчитать это странным. На протяжении всего дня в спальню ее не допускали.

Она вспомнила свою первую ночь в этом доме. Она тогда сидела до рассвета, боясь заснуть, боясь, что они будут приставать к ней. Однако они ни разу не проявили к ней интереса как к женщине, ни разу не прикоснулись, и постепенно она поняла, что слишком стара, чтобы заинтересовать их. И все же она боялась, что по мере течения дней значение этой разницы в возрасте может уменьшиться.

В полночь Дэн поднялся из жесткого кресла в проеме двери спальни и потянулся.

– Ну все, она твоя.

Сэмми раздраженно поднял голову от стола, на котором раскладывал пасьянс. Он оглянулся на карты и сердитым резким движением смел их все на пол. Проходя к креслу, чтобы занять свой пост, он еще и поддел их ногой.

– Пусть она соберет, – сказал он. – Ей будет полезно. Она нуждается в физических упражнениях.

Сэмми вошел в комнату и взглянул на Хелен. Ночник был включен, а в соседнем окне мягко работал кондиционер. Они держали кондиционер включенным всю ночь, так же как днем – радиоприемник, чтобы заглушить ее крик, если ей все же придет в голову это сделать.

Он долго смотрел на нее. Она лежала на левом боку, свернувшись калачиком.

– Я начинаю чертовски уставать от нее, – признался он.

– Так, а кто, собственно, ее привез? Я все время говорил тебе, чтобы ты ее вышвырнул.

– Конечно, и не имеет никакого значения, что копы висели у нас на хвосте. Я должен был остановить машину, выскочить сам, открыть дверцу и помочь ей выйти.

– Ты запаниковал, Сэмми. Ты попросту потерял свою

большую тупую голову.

Сэмми резко обернулся, сжав кулаки.

– Не пытайся меня пилить. Даже не пытайся. – Он снова отвернулся. – Меня сегодня лихорадит. Хорошо было бы что-нибудь выпить.

Они с самого начала договорились, что ни тот ни другой не будут пить ничего крепче пива. «Множество парней попало именно на этом, – сказал тогда Дэн. – Лишняя рюмка, и каждый из нас может начать болтать».

А теперь Сэмми снова вспыхнул.

– Раз уж ты начал эту разборку, кто схватил-то ее в самом начале? С нашими пистолетами мы бы запросто пробились наружу.

Зревшая подспудно ссора прорвалась наружу. Об этом, о своей единственной серьезной ошибке они оба думали все семь дней не переставая. Кто-то включил в банке сигнализацию, и люди снаружи начали останавливаться, а некоторые даже подошли посмотреть. Дэн мгновенно понял, что, когда они будут уходить, любой мужчина или даже мальчишка в быстро собирающейся толпе сможет помешать им – а ведь один сумасшедший поблизости всегда найдется. Чтобы помешать такому развитию событий, Дэн схватил эту женщину и под дулом пистолета заставил ее идти впереди них к машине. Это был блестящий ход, считал Дэн, но вот потом... потом он снова и снова зло кричал Сэмми, чтобы тот немного замедлил движение. Тогда он смог бы вытолкнуть ее из ма-

шины. Внутренне Дэн готов был, хоть и неохотно, признать-ся самому себе, что ему просто не пришло в голову – ведь на самом деле не имело никакого значения, насколько быстро Сэмми вел машину. На любой скорости он мог открыть дверцу и вытолкнуть ее. Не все ли равно, погибла бы она при падении или нет?

Сейчас же Дэн примирительно произнес:

– О'кей, нас обоих лихорадит. Давай успокоимся, а? Она нас связывает, и ничего здесь не поделаешь.

– Только не меня. Я бы с ней разобрался. Прямо сейчас. – Он перевел взгляд вниз, на свои руки, лежавшие на коленях ладонями кверху, с разведенными в стороны, слегка согнутыми пальцами. – Она и не поняла бы, что произошло. Она просто отошла бы во сне. Надо только знать, куда поставить большие пальцы.

Дэн уставился на него с отвращением.

– А как насчет трупa?

– Я засек мусорный контейнер на задней аллее бульвара Вентура. Знаешь, один из тех больших контейнеров, куда выбрасывают пустые коробки из магазинов.

– Ага, мы хотим взбудоражить все окрестности и наводнить их копами – это еще если не попадемся, пока будем ее выбрасывать. – Он прошелся по комнате. – Я не собираюсь при таких шансах рисковать двумя сотнями штук и нашими шеями.

Сэмми вытащил пачку сигарет, предложил одну Дэну.

– Огонек есть?

Дэн достал спички, и Сэмми продолжал:

– Послушай, нам придется когда-то это сделать. Мы не можем торчать здесь до бесконечности. – Он ухмыльнулся. – Может, ты собираешься породниться с ней? Может, тебе просто чертовски не хватает матери?

Дэн не торопясь закурил сигарету.

– Избавиться от трупа совсем не просто. Но я что-нибудь придумаю. Дай мне время, Сэмми, дай мне только немного времени.

Пэтти пристроила свой «фольксваген» в дальнем от входа в универмаг Буллока уголке второго яруса автостоянки. Она следила за входом, глядя в зеркало заднего вида, и наконец заметила его приближение. Это был высокий мужчина, нуждавшийся, как ей показалось, в некотором количестве добрых домашних обедов. Он оказался моложе, чем она решила, основываясь на нотках зрелости в его голосе. Ей понравилась его небрежная с виду походка, в которой не было ничего от преувеличенной уверенности молодых бизнесменов, которая так ее раздражала.

Он неторопливо подошел и какое-то время – очень недолго – с удовольствием рассматривал ее. Перед ним была девушка с очень свежей нетронутой внешностью, отражавшей тем не менее ум и глубину – качества, которые, в сочетании с естественностью, нравились ему в женщинах более всего.

– Мисс Рэндалл? – для начала спросил он.

Она кивнула.

– Я – Зик Келсо. – Он показал ей свое удостоверение.

Она едва взглянула на карточку.

– Не могли бы вы сесть ко мне в машину? – предложила

Пэтти.

Ее беспокоила женщина среднего возраста, припаркованная неподалеку. В настоящий момент тело ее направля-

лось к выходу со стоянки, в то время как голова оставалась повернутой в противоположном направлении, чтобы иметь возможность пялиться на них и строить догадки. Некая девушка приезжает и паркует машину, некий мужчина делает то же самое, затем мужчина садится к девушке в машину. Все ясно. Утреннее randevu. Голова вернулась в нормальное положение только тогда, когда принадлежащее ей тело столкнулось с телом другого посетителя.

Зик в это время говорил:

– Спасибо вам за то, что позвонили. – Он предложил ей сигарету, она отказалась. – У меня к вам много вопросов. Надеюсь, вы не против?

– Вовсе нет.

Он как-то очень внимательно рассматривал ее, и она сказала:

– Я часто думаю, как удобно мужчине быть агентом ФБР. Он может разглядывать любую девушку с ног до головы под тем предлогом, что пытается оценить ее с профессиональной точки зрения.

Он криво ухмыльнулся, как всегда, когда испытывал смущение.

– Простите меня... на самом деле я...

– Изучали мой характер? – Она рассмеялась.

Он немедленно перешел к делу.

– Что касается кота, в какое время он обычно покидает дом? – Затем он пояснил: – Простите, если мои вопросы по-

кажутся вам глупыми, но я никогда не имел дела с котами. Я совсем не знаю их привычек.

– Это заметно. Ну, он обычно пускается в путь с темной. Днем ему не дают покоя пересмешники. Стоит ему высунуть нос наружу, они издают индейский боевой клич и кидаются на него, как стая пикирующих бомбардировщиков. Они клюют его в спину и взлетают раньше, чем он успевает броситься на них. Бедняга. Из-за них он приобрел глубокий невроз.

– Вы имеете в виду, что, если бы не птицы, он мог бы уйти и раньше?

Она кивнула. Он провел рукой по волосам.

– Мы могли бы распугать их, сделать несколько выстрелов. – Он подумал еще. – Нет, не могли бы. Если только выяснится, что мы сделали это специально, чтобы распугать птиц, на нас тут же насядут защитники живой природы.

Он принял решение.

– В общем, нас в любом случае больше устраивает темнота. Мы хотим проследить за ним сегодня ночью, мисс Рэндалл, и если бы он снова направился туда, где они ее держат...

Она бросила на него недоверчивый взгляд.

– Вы имеете в виду, что рассчитываете проследить за котом?

– У нас нет другого выхода.

Она покачала головой и пробормотала:

– О господи.

– Мне потребуется комната в вашем доме в качестве базы для операции, предпочтительно комната в глубине дома, чтобы в случае чего, если кто-нибудь неожиданно зайдет, меня не застали бы в гостиной или столовой.

– Вы можете воспользоваться спальней родителей, правда она расположена наверху, а это было бы не слишком удобно, не так ли?

Зик покачал головой, она продолжала:

– Как насчет моей? Я могу перебраться к сестре.

– Мне совсем не хотелось бы беспокоить вас.

– Мы бы очень хотели помочь чем можем... ну, хоть чем-нибудь.

Из внутреннего кармана он достал карту ближайших окрестностей ее дома.

– По телефону вы сказали, что дом Лилиан Нелсон, – он показал дом на карте, – это самый дальний известный вам пункт.

– Да, она заходила к нам однажды. Показалась мне замечательной девчонкой. Она прочла наш телефонный номер на ошейнике Чока. Видите ли, мы прикрепили к его ошейнику маленькую металлическую пластинку, на случай если он потеряется. Так вот, она сказала, что, если бы он перестал приходить раз в несколько ночей, она начала бы о нем беспокоиться. Она сказала, что он скребется в дверь черного хода, а не в переднюю дверь, поскольку через дорогу живет поли-

дейский пес. Не то чтобы Чок боится какого-то там пса – он уже разобрался с несколькими поблизости, но мне кажется, ну... – она улыбнулась, – мне кажется, что, когда он ходит с визитами, ему не хочется ввязываться в серьезные драки.

Она ткнула в карту.

– Я думаю, что он всегда уходит в этом направлении. Нам звонили соседи отсюда... и отсюда... но никогда не звонили те, кто живет от нас к востоку или югу.

Он записал фамилии соседей, о которых было известно, что Чок их навещал. Он отметил также, что кот возвращался домой в произвольное время от 10 часов вечера до 3 утра.

– Если его нет, когда мы встаем, мы посылаем Майка, чтобы он посвистел ему.

– Посвистел?

Она кивнула.

– Мы научили его отзываться на свист, еще когда он был котенком. Мне всегда казалось очень уж глупым ходить по окрестностям и кричать «Киса, киса, кис-кис-кис». Особенно если зовешь кота, а не кошку. Вам не кажется, что от этого может пострадать его чувство собственного достоинства?

На мгновение он совершенно растерялся. Она смутила его, сбила с толку. Тайком он искоса взглянул на нее – ее глаза смеялись. Ему показалось, что она наверняка состоит в родстве с каким-то шаловливым сказочным существом вроде ирландских гномов.

Он записал фамилии ближайших соседей и задал о каж-

дом из них множество вопросов. Про Грега он расспрашивал даже более подробно, чем про остальных.

– С кем он дружит? – задал он очередной вопрос.

– Понятия не имею.

– Я думал, может быть, вы...

– Встречались? – Она покачала головой. – Я не думаю, что он с кем-нибудь встречается... ну, то есть постоянно. Он влюблен в собаку и в автомобиль. Однажды он сказал Инки, что не мог бы себе позволить одновременно жену и «сандербёрд» и что он предпочитает «сандербёрд». Но в самом деле, мистер Келсо, я не понимаю, какое все это имеет отношение к делу. Мистер Балтер наверняка не держит никого взаперти в своем доме. Если бы держал, миссис Макдугалл знала бы об этом. Обо всем происходящем поблизости она осведомлена не хуже ФБР.

Он рассмеялся, затем снова вернулся к Чоку.

– Какой у него темперамент? Я имею в виду, у него хороший характер?

В подобном деле ответ на этот вопрос мог оказаться важным фактором, возможно, даже решающим.

Она мягко ответила:

– Вам следовало бы спросить не у меня, потому что я могу быть необъективна. Я его так люблю, что, если бы с ним что-то случилось...

Она вспомнила случай, когда Чок подхватил инфекцию. У него воспалилась щека, и несколько дней он находился в

лечебнице между жизнью и смертью. Они все были так напуганы, что каждое утро им еле хватало смелости позвонить в лечебницу – а вдруг он умер ночью. Майк почти не спал, а Ингрид отменяла свидания, чтобы иметь возможность навещать Чока в лечебнице вечером, в приемные часы, хотя он и был настолько плох, что не узнавал ее.

Она продолжала:

– Терпеть не могу людей, которые отвратительно сентиментальны по отношению к домашним животным, а вы? Но дело в том, что он очень ласковый малый и к любому умеет найти подход. К нему легко привязаться. Вы сами увидите. Стоит почесать ему за ухом, и он готов мурлыкать без конца.

Всю жизнь мечтал о таком счастье, подумал Зик и задал следующий вопрос: где кот спит?

– На постели моей сестры.

Она хотела объяснить ему, что это не означает, что Чок любит Ингрид больше всех. Нет, он очень чуток и никогда не выказывает фаворитизма. Однако Майк спит слишком беспокойно, чтобы дать коту возможность как следует отдохнуть ночью. Что же до нее самой, то ей не нравится, когда Чок просыпается в пять утра, проходит из конца в конец по длинному гребню ее фигуры и начинает пялиться ей в лицо, словно спрашивая, не собирается ли она проспять весь день напролет. Она пыталась делать вид, что ничего не происходит, но такое отношение только провоцирует его на то, чтобы пару раз как следует провести по ее щеке своим языком-тер-

кой – действие, безусловно, более результативное, чем полив холодной водой. Через несколько дней такого обращения она не выдержала и бесцеремонно выкинула кота за окно, в заросли герани, после чего он довольно долго принципиально не замечал ее.

Зик в это время говорил:

– Мне нужно увидеть этого кота прямо сейчас.

– Мне бы не хотелось, чтобы вы говорили про него просто «кот». Это меня задевает. Это как если бы... как если бы он действительно был просто котом. Его зовут Чок.

Она торопливо продолжила:

– Мне интересно, зачем вы хотите его увидеть?

– Мне нужны его отпечатки пальцев... я имею в виду, отпечатки лап.

– Это зачем?

– Мы могли бы обнаружить след, оставленный им прошлой ночью, если он ходил по грязи или пыли.

Она в изумлении уставилась на него.

– Я слышала, что ФБР работает очень тщательно, но я просто... я просто не поверила бы...

– Я тоже не поверил бы, мисс Рэндалл. Кот там или не кот, но если уж мы оказались в отчаянной ситуации, придется распутывать ее шаг за шагом.

Она сказала, что не может уйти с работы, но предложила позвонить в школу и договориться, чтобы Инки вернулась домой в обеденный перерыв.

– Только не обижайтесь на Чока, если вам покажется, что он ведет себя недружелюбно, – предупредила она. – Он в это время крепко спит, и ему может не понравиться, если его неожиданно поднимут.

Вернувшись в офис, Зик торопливо проскочил мимо пары секретарш. Стоило ему слегка задержаться, как он тут же получал приглашение на турнир по боулингу или еще на что-то более соблазнительное.

Когда, год назад, он только начинал работать в Лос-Анджелесском подразделении ФБР, операторша на телефоне, розоватая блондинка лет под сорок, сразу же предупредила его, что он «не протянет и месяца, столько вокруг голодных вампирш». И правда, девушки использовали любые предлоги, лишь бы назначить ему свидание. Например, не поможет ли он придумать сценарий для ежегодного пикника отдела? Он, в свою очередь, изобретал смертельные болезни и срочные дела, ходил только быстрым шагом, причем всегда с видом отчаянно занятого человека, и таким образом сумел пока уцелеть. Однако агенту ФБР все же не пристало вести себя подобным образом – то гоняться за матерым преступником, не имея свободной минутки, то самому прятаться от женского внимания, применяя недозволенные приемы.

Он нашел Боба Ньютона там же, где его и оставил, сидящим над отчетами.

– Все готово к тому, чтобы сегодня ночью устроить слежку, – сказал он Ньютону. – Она разрешает нам воспользо-

ваться спальней в задней части дома. Кот покидает дом, как только темнеет, сегодня это примерно семь тридцать пять. Я сейчас иду туда, встречусь с ним.

Ньютон сказал:

– Как я тебе завидую, приятель: снимать показания с ко-та... Хотелось бы посмотреть, что из этого выйдет.

– Я собираюсь взять отпечатки лап, сфотографировать его, ну все как всегда. Постараюсь подойти к этому, как к самому обычному делу.

Ньютон встал из-за стола и потянулся всем своим большим телом.

– Тебе повезло, что имеешь дело с котом. Я так устаю от людей.

Зик ухмыльнулся и положил перед Ньютоном карту окрестностей дома Рэндаллов.

– Насколько известно хозяйке, их кот никогда не отваживался уходить дальше, чем на две мили, вот до этой точки, где живет некая Лилиан Нелсон. Мисс Нелсон говорит, что он появляется у нее два-три раза в неделю. Она работает помощницей Перри Либера, администратора на киностудии «XX век Фокс», и готова во всем сотрудничать с нами.

Несколько секунд он изучал карту.

– Я считаю, что нам следует показать фотографию Хелен Дженкинс по всей округе в пределах двух миль, почтальонам, служащим супермаркетов и аптек, консьержкам многоквартирных домов и швейцарам – в общем, пройти по рай-

ону как следует. А затем мы без шума займемся проверкой всех подряд по спискам для голосования, хотя для этого потребуется немало времени – там около четырех тысяч человек.

Ньютон одобрительно кивнул. Ему нравилась манера Зика вести расследование. Он работал не только тщательно, но и быстро.

– Действуй без шума, Зик, – предостерег Ньютон. – Напомни всем, кто с тобой работает, о необходимости действовать осторожно. Мне не нужно тебе говорить, ты и сам знаешь, что, если эти два парня почувют преследование, последствия могут оказаться трагичными. Если они ударятся в панику, они с огромной долей вероятности прикончат заложницу.

После того, как они обсудили, сколько агентов и какое именно оборудование потребуется для этой операции, Зик сказал:

– У меня проблема. Не могу придумать, как вписать его в алфавитный список информаторов.

Боб Ньютон поднял бровь.

– Кота?

– Пожалуйста, не говорите про него просто «кот». Это что-то там делает с его чувством собственного достоинства. Но смотрите, если я впишу его в отчеты как Чока Рэндалла, вы же знаете Бюро. Какой-нибудь тип там, в архиве, просто съест нас: что это за имя такое, да почему одно? А ес-

ли я впишу его как Чертова Кота Рэндалла, я вообще боюсь представить, что будет. Они решат, что я все выдумал, решил схохмить. А как насчет использования фамилии Рэндалл? Кто вообще использует фамилии, когда речь идет о котах? Но вы же знаете Бюро. Только полные имена и никак иначе.

Ньютон притянул к себе телефон.

– Думаю, нам лучше переговорить с Вашингтоном.

Инспектор отдела банковских ограблений в здании министерства юстиции ответил на звонок, сидя за пустым полированным столом. Это был высоченный здоровяк, бывший регбист-полузащитник, под тяжестью которого вращающееся кресло казалось игрушечным.

– Подождите минутку, – сказал он, – должно быть, плохая связь.

Он подергал телефонный шнур, выслушал еще раз, изо всех сил прижав трубку к уху.

– Вы сказали кот? К-о-т? Обычный кот?

Он послушал еще.

– Так. Чер-тов. Чертов Кот. Так, теперь послушайте, Ньютон. Кто-то водит вас за нос... Кто проверял?.. Угу... Я перезвоню вам через несколько минут.

Он быстро прошел по длинному, безупречно чистому коридору, где случайный клочок бумаги был бы взят так же быстро, как какой-нибудь преступник, и вошел в дверь с надписью «Директор».

* * *

Решение было принято на самом верху и доведено до исполнителей. Чертов Кот, начиная с настоящего момента, должен числиться в алфавитных списках и во всех отчетах как Информатор X-14. Под анонимным покровом псевдонима X-14 его личность должна навсегда остаться тайной, и никто, кроме непосредственно задействованных в операции, не должен узнать, что он не принадлежит к роду человеческому.

Пэтти не могла избавиться от мысли, что рабочий день слишком затянулся: настолько она чувствовала себя уставшей, входя в отдел дамского белья и демонстрируя итальянский трикотаж. Она сделала полный оборот перед двумя женщинами, которым определенно было больше тридцати, и, когда одна из них поинтересовалась товаром, привычно затараторила:

– Это стильно, вы не находите? В этом определенно что-то есть. И стоит всего тридцать девять девяносто пять в отделе для юных леди на верхнем этаже.

Услышав какой-то шум, напоминающий падение мешка с костями, она поспешно обернулась и не поверила своим глазам. Невесть откуда взявшийся Грег боролся с манекеном, которого только что ловко сшиб с демонстрационного стола, причем манекен был одет в один только пояс. Грег пытался поудобнее схватить его, чтобы иметь возможность водрузить обратно.

Пара быстрых шагов – и она дотянулась до Грега, чем спасла манекен из его объятий.

– Что за поведение, – сказала она, – да еще в общественном месте.

Пока он поправлял свою одежду, она щелкнула поясом на манекене.

– Не знаю, почему женщины должны носить сбрюи больше, чем ломовая лошадь, а мужчины со своими животами...

Она взяла Грега за руку и увлекла его прочь из отдела дамского белья. Он довольно быстро восстановил свое адвокатское достоинство.

– Представляешь, наткнулся на тебя совершенно случайно. Я пытался найти отдел стеклянной посуды.

– Ты прошел через отдел посуды по пути к дамскому белью.

Он виновато улыбнулся, и она испытала мгновенное искушение забыть прошлую ночь, забыть ужасные вещи, которые он говорил, угрожая жизни Чока. Сердце заколотилось в ее груди. Остаться к нему непримиримой именно в эту минуту было бы все равно что постоянно держать зуб на Кэри Гранта³.

На самом деле, вдруг подумала Пэтти, следует признать, что она не слишком хорошо знает Грега. Несколько случайных встреч привели только к тому, что они небрежно здоровались. Правда, иногда ей очень хотелось придушить его, особенно когда он жаловался на Чока или позволял своей таксе медленно губить ее абрикосовое дерево в палисаднике.

Инки и Майк знали его значительно лучше. Что до Инки, то она, возможно, знала его даже слишком хорошо. Грег был для нее зрелым мужчиной, в которого вполне можно влю-

³ Кэри Грант (наст. имя Арчибальд Лич) – американский киноактер (род. в Англии). Снимался в комедийных и детективных фильмах 30–40 гг.

биться, как влюбляются девушки в романах. Каждый раз, когда он сажал ее в свой «сандербёрд», Инки делала вид, что почти лишается чувств от счастья. Однажды она собственноручно испекла для него печенье, которое он попробовал съесть, рискуя жизнью, да еще соврал, что не едал ничего вкуснее, потому что это кондитерское (с позволения сказать) изделие по вкусу более всего напоминало древесные опилки.

Что касается живущих по соседству женщин, то все они довольно глупо увивались за ним, хотя и не одобряли его образа жизни. Одна мысль о том, что мужчине может быть нужен дом целиком, начиная с мусорного бака и кончая цветниками, но без жены, приводила их в неодобрительное изумление. К тому же тот факт, что он способен был готовить пищу, каждый день стелить постель (чему нашлись свидетели из дома напротив), был прямым оскорблением всему женскому роду. По общему мнению, ему следовало либо снять квартиру, либо жениться.

– Если он подождет еще пару лет, – как-то сказала Инки, – я смогу законно там поселиться.

Теперь же он шел рядом с Пэтти и говорил:

– Вчера ночью я слегка погорячился. Дело просто в том, что та злосчастная утка так тяжело мне досталась. Я чуть не заработал пневмонию. Я целый день стоял под проливным дождем...

– Я помню. Ты все это абсолютно блестяще изложил вчера.

– Я тогда был уставший, просто до смерти. Я проиграл дело, над которым работал несколько месяцев. – И совсем непоследовательно он закончил: – Так что ты понимаешь, почему я так себя вел.

– Ты говорил вполне серьезно, когда обещал прошить Чока крупной дробью?

– Господи, нет. Я никому не причиняю зла, ты же знаешь. Ну, я даже пауков выношу из дома на газетном листе.

– Такие-то хуже всего. Их обычно вешают.

– Вешают? О чем ты говоришь?

– Неужели ты не замечал? Каждый раз, когда кого-нибудь судят за убийство, он рассказывает трогательные истории о том, что не способен обидеть даже мухи, или еще кого-нибудь размером со спичечный коробок. Но боже ты мой, стоит ему добраться до чьего-либо черепа...

– Ей-богу, Пэтти.

Она чувствовала все большее беспокойство. Посетители бросали в их сторону умильные взгляды, как бы говоря: «какая чудесная пара» и «благослови вас Бог».

– Они наверняка думают, что у меня еще не слишком большой срок, – сказала Пэтти.

– Что?

Она жестом показала на табличку «Одежда для будущих матерей» и добавила:

– Послушай, Грег, предполагается, что я должна работать.

– Да, да, конечно. Как насчет того, чтобы пообедать се-

годня вместе? Может быть, где-нибудь на Олвера-стрит. Я знаю один мексиканский ресторанчик, где можно попробовать лучшие энчилад ос.

– Их, наверное, делают на той же фабрике Килларни в Нью-Джерси, что и китайское «печенье удачи»?

– Я бы не удивился.

– Я не знаю, Грег. У меня...

– Я не виню тебя за то, что ты так сильно обиделась. Тебе следовало бы найти хорошего адвоката и подать в суд.

– Это идея. – Ее глаза блеснули. – Я, пожалуй, не против посоветоваться с одним из хороших адвокатов в семь часов.

Когда Зик только подходил по дорожке к дому, Ингрид уже открыла дверь. Миссис Макдугалл, поливавшая в этот момент розы в соседнем дворике, буквально вывесила свои уши на миртовую живую изгородь.

Ингрид приветствовала ее:

– Хелло, миссис Макдугалл. Прекрасный день.

Миссис Макдугалл рассеянно кивнула. Она следила за Зиком своими маленькими глазами-бусинками, как старая гончая, готовая броситься вслед добыче. Лицо ее с годами посуровело и застыло в одном-единственном выражении. Это было активное любопытство, основанное на знании жизни.

Оценив ситуацию, Зик, как и Ингрид, ничего не сказал, пока она не закрыла за ним входную дверь.

– Да уж, эта старая ищейка, – сказала Ингрид и остановилась, чтобы как следует разглядеть его восхищенным взглядом. Перед ней был настоящий, подлинный агент ФБР живьем, герой, сравнимый с Чабби Чекером⁴.

– Я – Зик Келсо.

– Я знаю. Сестра мне позвонила. Ну разве она не прелесть? Она вам ужасно понравилась, правда? Мне вообще

⁴ Чабби Чекер (наст. имя Эрнест Эванс) – американский негритянский эстрадный певец. Способствовал популярности твиста в начале 60-х гг.

нравятся сестры. Братья тоже ничего, но с ними невозможно разговаривать, я имею в виду, о серьезных вещах. – Ингрид понимала, что ее понесло и что она слишком много болтает, но так происходило всегда, когда она волновалась.

– Ваша сестра сказала...

– Я в курсе. Он там, в моей спальне. Я не знала, стоит ли его будить до вашего прихода. Сегодня он появился только в пять утра. То есть сестра сказала, что он пришел в час ночи, но очень обиделся, когда она отобрала у него утку, снова ушел и бродил еще, я думаю.

Он кивнул с отсутствующим видом. Он уже успел мысленно сфотографировать гостиную. Подойдя к единственному окну, он взглянул на абрикосовое дерево и дальше, на невысокий оштукатуренный белый дом на другой стороне улицы. От проезжей части улицы к дому вела выложенная плиткой тропинка, извивавшаяся между кустов роз. Справа от дома подъездная дорожка шла к гаражу, наполовину скрытому за домом.

Зик снова обернулся к девушке.

– Мне жаль, что пришлось вызвать вас из школы.

– А мне ничуть не жаль. Эта школа как концлагерь, только что номера на спинах не пишут. Это ужасно. – Она повела его через сиявшую чистотой гостиную. – Но вообще-то я не думаю, что школа уцелеет, если я буду продолжать работать в химической лаборатории.

Он покачал головой.

– Поверьте опыту ветерана. Школы никогда не взрываются и не сгорают дотла.

Она рассмеялась; он ей чрезвычайно понравился. Пэтти предупредила ее заранее, что так и будет. Она сказала: «Он ужасно симпатичный. Так что веди себя как следует и не дразни его». Как будто она когда-нибудь дразнила хоть одного мужчину! Ну кроме, возможно, учителя геометрии, но он такая куколка и такой застенчивый, что грех было бы не использовать на нем свои чары. Они с девочками собрались как-то в обеденный перерыв и решили по очереди подмигивать ему все оставшиеся уроки. Бедняга чуть не сбежал из класса.

Проходя мимо телевизора, она спросила:

– Вы смотрите передачи доктора Килдара? Я думаю, он просто чудо. Когда я на него смотрю, мой пульс доходит до 150 ударов в минуту. Вы женаты?

– Нет.

– Я так и думала. Вы не похожи на женатого. Мы с Розой вчера говорили о биологической потребности... мы сейчас изучаем семейные отношения...

– Не могли бы вы принести кота сюда?

– Нет, идемте. Если вы хотите с ним что-то сделать, лучше всего сделать это, пока он сонный.

Они миновали столовую, где были собраны вместе разрозненные предметы мебели, появлявшиеся в доме в разное время по мере того, как семейное благосостояние Рэндаллов

повышалось.

Она продолжила:

– Вы правда думаете, что Чок сможет помочь вам? Господи, надеюсь, что да. Все утро я представляла себя на месте той женщины, как будто она одна, и те двое ужасных мужчин готовы убить ее, а она в эту самую минуту думает, нашел ли кто-нибудь ее часы.

Прежде чем он смог ответить, она добавила:

– А Чоку дадут медаль? Майк считает, что дадут. Майк – это мой брат. Ему всего двенадцать, и мне приходится быть для него хорошим примером. Мама говорит, что для мужчины в зрелости огромное значение имеет, была ли рядом с ним, когда он рос, достойная женщина.

Она привела его в маленькую комнатку, напоминающую зоопарк. Чучела животных усталились на Зика с пола, с кровати, с полки, устроенной вдоль двух стен. Некоторые из них казались настолько внушительными и живыми, что он почувствовал, что на всякий случай стоит присматривать за ними. Точно посередине мягкого белого покрывала растянулся Чок, похожий на длинного черного леопарда. Он постанывал и перебирал передними и задними лапами.

– Он кого-то преследует во сне, – сказала Ингрид.

– Святой Толедо! – воскликнул Зик. – И это кот? Ингрид прошла к окну и задернула шторы.

– Что вы делаете? – спросил Зик, совершенно забывая о Чоке.

– Даю миссис Макдугалл повод к работе ума.

Он улыбнулся, и у него оказалась самая приятная улыбка, какую она когда-либо видела. Он раздвинул шторы.

– Я должен подумать о своей репутации, – объяснил он, ухмыляясь во весь рот.

– О-о, – кивнула она с полным пониманием, – ФБР.

– ФБР.

Она положила ладонь на живот Чока, и ладонь тут же задрожала, как на вибростенде.

– Эй ты, старый, ленивый бездельник, просыпайся. Этот человек из ФБР желает узнать, где ты был прошлой ночью, и тебе лучше бы говорить правду. Давай, давай.

Медленно и неохотно Чок приоткрыл один глаз, всем своим видом выражая недовольство и раздражение. Она же знает, что он вернулся перед самым рассветом и нуждается в отдыхе. Его задело, что Ингрид, оказывается, способна на такое. Это на нее совсем не похоже. Затем он повел глазом и заметил Зика. Это еще что за тип? Никогда прежде его не видел, и лучше бы его не видеть вовсе. Он снова прикрыл глаз. Иногда, если сделать вид, что их здесь нет, они действительно уходят. О-хо-хо, как после вчерашнего все болит! Голова просто раскалывается на части, она как будто оторвалась и, покачиваясь, летает по комнате. Если бы он только мог поймать ее и закрепить на том месте, где положено.

Раздался странный звук, почти шипение, и Чок вскочил как ужаленный. На мгновение ему почудилось, что на него

напали, но оказалось, что это всего лишь чихнул незнакомый тип. Он занял наиболее подходящую для немедленного бегства позицию, но Ингрид успокоила его, и, потянувшись всеми своими мускулами, он выгнул спину на высоту почти двух футов, а затем полностью расслабился и вытянулся во всю длину. Кончик хвоста его при этом оказался рядом с его же щекой.

– Извините, но у меня аллергия на кошачью шерсть, – сказал Зик. Он еще раз чихнул, глаза его наполнились слезами. Он отошел подальше от Чока.

– Это как сенная лихорадка.

– То же самое. – Он вынул платок, чтобы вытереть глаза. – Если у вас есть салфетки...

Она тут же извлекла несколько штук изо рта розового бегемота, сидящего на ее заваленном всякими безделушками туалетном столике рядом с фотографией родителей.

Подавая ему салфетку, она сказала:

– Я никогда раньше не видела человека из ФБР, только в кино. Я видела Гленна Форда в фильме «Эксперимент „Террор“». Мне он показался совершенно, абсолютно потрясающим, а как вы думаете?

Он подумал, что момент для привлечения Гленна Форда в качестве примера явно неподходящий. Беспомощное чихание и слезящиеся от аллергии глаза делали Зика мало похожим на суперагента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.